

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Б. Н. Флоря

РОССИЯ, ЯН СОБЕСКИЙ И ГЕТМАН МИХАИЛ ПАЦ В 1674–1675 г.

Во второй половине XVII в. главный западный сосед России — Польско-Литовское государство — вступило в полосу затяжного внутривосточного кризиса. Развернулась острая борьба различных группировок знати за власть и влияние в стране. При этом, стремясь добиться своих целей, эти группировки искали поддержки иностранных держав — Франции, Австрии, Бранденбурга. К середине 70-х годов XVII в. появились некоторые возможности и у России, установившей контакты с влиятельными политиками в Великом княжестве Литовском.

Контакты между русским правительством и литовскими политиками установились во время «бескоролья» 1674 г., когда большая группа этих политиков выступила с предложением избрать на польский трон сына Алексея Михайловича. Одновременно уже в начале «бескоролья» посланец этих политиков Августин Константинович говорил о враждебном отношении к этому проекту Яна Собеского — главы «профранцузской» партии в Речи Посполитой¹. Как видно из отписок русского резидента в Варшаве В. М. Тяпкина, особенно внимательным к нему был первый светский сенатор Великого княжества (воевода виленский) и великий гетман, командующий литовской армией, Михаил Пац, снабжавший его «овощами и питьем»².

Когда элекция завершилась в мае 1674 г. избранием Яна Собеского, 11 мая ст. ст. состоялась беседа одного из влиятельных литовских политиков троцкого воеводы М. Огинского с переводчиком русского резидента С. Лаврецким. Он сообщил, что Ян Собеский стал королем «через мочь свою и посулы» и вопреки желанию представителей Великого княжества. Нового короля он характеризовал как «великого неприятеля» России, который намерен скорее заключить мир с султаном, чтобы направить войска против «цесаря» — противника Франции. Одновременно, как пояснял воевода, ему «самому с частью войска турского и с Крымом конечно идти на Московское государство». Воевода заверял, что в этом случае он и его друзья добьются, чтобы сеймики не выделили ни средств на такую войну, «ни войска единого человека». Возможно, что они в таком положении даже «всею Литвою отложатся от корунных». И он предлагал иметь «тайну ссылку и промысл» с ним и гетманом М. Пацем³.

Не место в данной работе рассматривать вопрос, насколько в действительности имелись у Собеского планы, которые привели бы при их осуществлении к новой войне между Россией и Речью Посполитой. Важно, что в их существовании были убеждены литовские политики, не

¹ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). 1674 г. № 5. Л. 62.

² РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 154.

³ Там же. Л. 240–240^а об.; [Соловьев, с. 511–512].

желавшие нового разорения своей страны. Их подозрения не выглядели беспочвенными. Среди знати, поддержавшей на выборах Собеского, было много владельцев утраченных имений на Левобережье, одним из них был и сам новый польский монарх. Важно, что в борьбе с этими, по их мнению, враждебными интересам Великого княжества планами они искали сотрудничества с русским правительством и проявляли готовность пойти в этом сотрудничестве достаточно далеко.

Позднее настроения литовских политиков изменились. На состоявшейся 18 мая встрече В. М. Тяпкина с М. Пацем и рядом других литовских политиков говорилось, что, став королем, Ян Собеский «то повинен будет делать и позволять, как они, паны рада, и вся Речь Посполитая постановят»⁴. Напряженность на время спала. Король принес присягу соблюдать мирные договоры с другими государствами, и было принято решение направить в Москву близкого к М. Пацу С. Венславского для переговоров о военном союзе против османов⁵.

Однако спустя некоторое время подозрения возобновились. Свидетельством этого может служить поездка посланца М. Паца ротмистра Я. Грохольского к киевскому воеводе Ю. П. Трубецкому (он прибыл в Киев в начале июля 1674 г.). Официальной целью поездки были переговоры о сотрудничестве против османов, но «словесно» посланец сообщил, что гетман «за неволю» согласился на избрание Собеского и, хотя, подчиняясь принятому решению, он направится на войну против османов, но «только он с литовскими своими войсками станет ходить войною против турков особо, а с коронными войсками соединяться не будет для того, чтоб от них какой измены не было»⁶. Важно не только то, что в этих высказываниях отразились подозрения гетмана, но и то, что с своей особой позиции он контактирует с русской стороной. Уезжая на лечение в Силезию, гетман поручил поддерживать связь с русским резидентом в Варшаве своему «покоевому» Ратомскому. Ратомский, как сообщал В. М. Тяпкин в Москву, «бывает у меня часто и о писмах по гетманскому желанию спрашивает безпрестанно»⁷. Б. Ратомский и писарь гетмана Довмант сообщали новости о войне на юге, показывали тексты королевских грамот⁸ и татарских «листов»⁹.

Представления о враждебных России планах Яна Собеского продолжали сохраняться и циркулировать в обществе. В августе 1674 г. В. М. Тяпкин сообщал в Москву, что, как говорят, король направился на южную границу, «чтобы ему ближе с турским и с крымским ссылатца». Он намерен «Украину им всю отдать, а себе Каменец и иные завоеванные края привратить». С помощью османов и татар он подавит сопротивление своих противников в Речи Посполитой. А потом король намерен «обще с татарами и турками идти на государство Московское»¹⁰.

После возвращения М. Паца в Варшаву в конце августа состоялось «в тайне» несколько его встреч с русским резидентом. Гетман выразил убеждение, что османские войска пришли на Украину «по повелению и согласию королевскому», чтобы ослабить находящиеся здесь русские войска. Царь не должен доверять Собескому, который «совершенно турка и хана научил идти на государевых ратных людей». Когда русские войска будут разбиты, король «как захочет, так учинит с татарами и с турками над государством Московским и над ними, поляки». Гетман выразил убеждение, что король отказался взять В. М. Тяпкина с собой во Львов, «чтоб без него с турками конечно учинить мир».

Одновременно он заверял резидента, что Литва желает «крепкого собза с народом московским» и будет препятствовать таким планам Собеского. Он выразил надежду, что из этих

⁴ Там же. Л. 254.

⁵ Сообщения об этом направляли в Москву и С. Лаврецкий, и В. М. Тяпкин (РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 266, 268).

⁶ Синбирский сборник. М., 1845. Т. I. Малороссийские дела. № 168. С. 178, 180.

⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 160. Л. 303 об.

⁸ Там же. Л. 333–334.

⁹ Там же. Л. 389.

¹⁰ Там же. Л. 393–394. Ср.: [Соловьев, с. 513–514].

планов ничего не выйдет, так как нового монарха в Речи Посполитой «крепко ненавидят»¹¹. Таким образом, под внешне корректным поведением (гетман ехал собрать и вести на юг по приказу короля литовское войско) сохранялась в полном объеме напряженность отношений, дополнительно подкрепляемая опасениями, что король использует помощь Османской империи для подавления оппозиции в Речи Посполитой. Изучение донесений русского резидента в Варшаве показывает, что группировка литовских политиков во главе с М. Пацем была единственной серьезной политической силой в стране, которая искала контактов с русским правительством для совместной борьбы с политикой Яна Собеского. Неслучайно В. М. Тяпкин так писал в Москву о М. Паце: «Такова человека к милости великого государя желательна и доброхотна нет в тамошних краях, что Михайло Пац»¹².

Улучшению отношений между королем и литовской оппозицией мог бы содействовать приход литовского войска к коронной армии и его участие в военных действиях с османами. Но положение не улучшил «бунт» литовского войска, покинувшего армию в конце ноября 1674 г. еще до окончания военных действий [Bobiatyński]. Хотя формально Пац с этим «бунтом» связан не был и в нем не участвовал, это, конечно, не улучшило отношений гетмана с Яном Собеским и его сторонниками. Ян Собеский объявил ушедших с поля боя солдат дезертирами и в своих «универсалах» предписывал их арестовывать и сажать в тюрьму [Bobiatyński, s. 317]. В этих универсалах не содержалось обвинений в адрес М. Паца. Как полагает биограф гетмана К. Бобятыньский, он считал, что поставить М. Паца на суд и осудить его было практически невозможно [Bobiatyński, s. 318]. Однако, как увидим далее, такие планы у короля не только были, но и он нашел нужным уведомить о них русское правительство.

17 апреля 1675 г. состоялась «тайная» (без участия польского резидента в Варшаве П. Свидерского) встреча королевского посланца Александра Кладницкого с главой Посольского приказа А. С. Матвеевым. На встрече наряду с другими сюжетами посланец опровергал клевету на короля тех, которые якобы «являютца ко стране царского величества з доброхотством». Это люди, которых «нынешняя война из убожестве учинила их господами». А далее посланец прямо указывал на Паца, который, «забрав несколько миллионов на войско казны королевского величества, оставя ево в Диких полях, отступил и войско Великого княжества Литовского отвел». За это король и Речь Посполитая его будут «судить, как наперед сего таких людей старые поляки судили и, Бог весть, удержитца ли на плечах голова ево»¹³. Вопрос о мотивах, побудивших Я. Собеского к такому шагу, должен быть предметом самостоятельного исследования. Здесь важно отметить, что к тому времени, когда А. Кладницкий выступил с таким заявлением, в Москве уже знали, что уход литовского войска не был стихийным. 2 марта 1675 г. брат гетмана Бонифаций Пац говорил В. М. Тяпкину, что гетман увел войско, так как король хочет заключить мир с турками и начать войну с Россией или Австрией, против чего будет выступать Литва во главе с М. Пацем. Он даже заявил, что можно было бы возвести царевича на польский трон, пока Собеский не коронован¹⁴. Налицо, таким образом, серьезный внутривнутриполитический конфликт в Речи Посполитой, и одна из его сторон явно искала взаимопонимания с русскими властями.

Русские власти располагали также рядом свидетельств, говоривших о серьезности заявления посланца Собеского. Так, в «авизах», присланных В. М. Тяпкиным в начале 1675 г., говорилось о намерении короля «судитца» с теми, кто оставил войско¹⁵. Он же сообщал, что своим уходом литовцы короля «до немалого гневу и печали побудили»¹⁶. В другой его отписке указывалось, что

---

¹¹ Там же. Л. 417–418, 423 об. – 425.

¹² Там же. Л. 424.

¹³ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 8. Л. 106.

¹⁴ РГАДА. Ф. 79. Кн. 161. Л. 331 и сл.; [Соловьев, с. 518].

¹⁵ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 5. Л. 33.

¹⁶ Там же. Л. 74–75.

король в своих грамотах «многую жалобу на гетмана и на все литовское войско пишет»¹⁷. Ко времени приезда в Москву А. Кладницкого здесь располагали и текстом письма примаса А. Ольшовского, главы польской церкви, Яну III, где действия литовского войска были названы «неслыханным по се время бунтом» и предлагалось «сыскать заводчика и по праву учинити наказание»¹⁸.

Перед московскими властями вставал важный вопрос, какую линию поведения следует избрать в подобной ситуации.

Выбор решения определили, как представляется, сообщения, поступавшие из Варшавы от В. М. Тяпкина весной 1675 г. В конце апреля он передавал, что в Речи Посполитой королю «много противных и не желающих имети его за государя, в начале Великая Польша, Литва, Жмоидь, Мазовша»¹⁹. Более подробно резидент характеризовал положение в отписке, доставленной в Москву 7 мая. Перечислив в ней снова указанные выше воеводства, он писал, что Собеского они «отноудь... за государя имети не хотят и до коронации не допустят». Они считают своей истинной государыней вдову Михаила Вишневецкого, королеву Элеонору, и хотели бы ее брака с царевичем — сыном Алексея Михайловича. Если они не смогут этого добиться, то выступят за брак Элеоноры со шведским королем. Шведский король добивается этого брака, а его поддерживает император Леопольд, рассчитывая так «от французского соединения силы свейские отвратить». Из-за всего этого Ян Собеский «в отчаяние приходит» и размышляет о том, «или коронации достигнуть или таки королевство опустить»²⁰.

Сходным образом оценивал положение и вернувшийся из Варшавы гонец Прокофий Возницын (впоследствии видный русский дипломат). Он записал, что на пути в Варшаву он «ни от единого не слышал», чтобы они считали Собеского своим государем, а шведский король обещает принять католическую веру и «все, что повольно поляком, учинить обещает»²¹. И такие сведения приходили не только от русских дипломатов из Варшавы. Подьячий Степан Часовников, побывавший в начале июля в Батурине у гетмана Самойловича, сообщал, что Ян Собеский ведет переговоры о мире с турками, но сенаторы не дают на это согласия и его «за короля не считают и королем быть ему... не желают, а желают, де, сенаторы и вся Польша быть на королевстве королем лютору, который взял... короля Михайлова жену»²².

Подобные известия встревожили русское правительство. Конечно, можно было опасаться, что Собеский не станет дружественным по отношению к России соседом, но соединение под властью одного монарха Речи Посполитой и Швеции представляло гораздо большую опасность. Показательно, что в этой сложной ситуации в Москве рассчитывали получить надежную информацию о положении дел от гетмана М. Паца. По-видимому, уже П. Возницын должен был встретиться с М. Пацем, но «не заехал» его в Слуцке²³. Это же задание в начале июля 1675 г. было поручено подьячему М. Бурцову²⁴, который официально должен был хлопотать об имуществе, утраченном иранским послом. Однако главной целью поездки были переговоры с М. Пацем, секретные, так что о них ничего не говорилось во врученной гонцу инструкции. Как видно из сделанной гонцом записи переговоров, он должен был выяснить у гетмана, насколько основательны сообщения о браке Элеоноры и шведского короля Карла XV («подлинны ли имеютца о том советы»).

Этим, однако, дело не ограничивалось. В Москве были обеспокоены не только этими проектами, но и сведениями о мирных переговорах Яна Собеского с османами²⁵. Возникла

¹⁷ Там же. Л. 107.

¹⁸ Там же. Л. 136, 138.

¹⁹ Там же. Л. 320.

²⁰ Там же. Л. 331–332; [Соловьев, с. 519–520].

²¹ Там же. Л. 335–336.

²² Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — АЮЗР). СПб., 1882. Т. XII. № 43. Стб. 127.

²³ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 5. Л. 334.

²⁴ 20 июля он выехал на границу из Смоленска (РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 9. Л. 36).

²⁵ По сведениям из Батурина, «от хана, де, и от пашей к Сабезскому и от Сабезского к хану и пашам о договоре... посланцы ездят безпрестанно» (АЮЗР. Т. XII. № 43. Стб. 127).

опасность, что мир будет заключен, а затем последует, как предостерегали литовцы, война Речи Посполитой против России в союзе с Османской империей. В этой связи в Москве закономерно вспомнили о заявлениях литовских политиков, что Великое княжество силой воспротивится таким планам. М. Л. Бурцову было поручено сообщить гетману, что если дело до этого дойдет, то пусть бы гетман «поддался сам с княжеством Литовским» под власть Алексея Михайловича, а царь жителей Великого княжества «учнет держати в милости при стародавних их вольностях». Само выдвигание такого предложения ясно говорит о том, что литовских политиков рассматривали в Москве как дружественную по отношению к России группировку, сотрудничество с которой может пойти достаточно далеко. Вместе с тем важно отметить готовность русских правящих кругов пойти на серьезный конфликт, связанный с расколом Речи Посполитой.

М. Бурцову было дано еще одно поручение, связанное со сделанной П. Возницыным записью его беседы с подканцлером и польным гетманом литовским М. Радзивиллом, мужем сестры Я. Собеского. М. Радзивилл, обращаясь к гонцу, призывал царя не верить «изменнику» гетману Пацу, который не только ссорит Россию и Речь Посполитую, но и придал мужества врагу, уведя войска из-под Бара [Соловьев, с. 502]²⁶. М. Бурцов должен был сообщить гетману о враждебности к нему сенаторов, которые «умышляют ево не только чтоб от гетманства отставить, но и зло всякое учинить». Это сообщение, вероятно, должно было побудить М. Паца пойти навстречу русским предложениям²⁷.

Встреча М. Бурцова с гетманом состоялась в середине августа 1675 г. в Бресте. В начале своего путешествия из Могилева он сообщал о примирении короля и гетмана «через пересылки» при посредничестве ездившего к королю канцлера К. Паца²⁸. Сообщения эти отвечали действительности, что было связано с безрезультатностью польско-османских переговоров и заинтересованностью в том, чтобы литовское войско приняло участие в военных действиях [Vobiatyński, s. 323–327]. Несмотря на это, М. Бурцов решил вступить в переговоры с гетманом, так как ему стало известно, что королевские универсалы о сборе войска «ставят ни во что» и «умирение гетманское с королевским величеством... ставят ныне в сумнительство»²⁹.

14 августа гетман дал «словесный ответ» на обращение М. Бурцова. Он авторитетно сообщил, что проекты шведского брака Элеоноры отпали и Карл XI женится на дочери датского короля. Вместе с тем он решительно отклонил предложение о переходе под русский протекторат («как бы, де, он был отчизне своей на такой старости изменник»), но постарался придать отказу как можно менее обидную форму. Он пояснял, что ранее у Яна Собеского действительно были планы войны с Россией, «за что и ссора с королем возбудилась было», но теперь король сосредотачивает все силы на войну с османами и в этой войне направляется участвовать сам М. Пац. Во Львове собирается «военная рада», и, если король и захочет заключить мир, «и к тому, де... не допустят». Одновременно гетман заверял гонца, что готов «истинным сердцем служить царю»³⁰.

По наблюдениям биографа гетмана К. Бобятыньского, летом 1675 г. наступила определенная разрядка, когда М. Пац с литовским войском принял участие в войне с османами [Vobiatyński, s. 323 i n] и в дальнейшем на рубеже 1675/1676 г. на первый план выдвинулся конфликт двух гетманов — великого М. Паца и польного, М. Радзивилла, который закончился соглашением лишь 30 марта 1676 г. [Vobiatyński, s. 331 i n]. Король в этом конфликте активно не участвовал, и еще в октябре 1676 г. отношения короля и гетмана оставались нормальными [Vobiatyński, s. 354].

---

²⁶ В этом труде запись беседы датирована неправильно.

²⁷ Запись «речи» М. Бурцова перед гетманом см.: РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 9. Л. 52–55.

²⁸ Там же. Л. 43–44.

²⁹ Там же. Л. 38–39. В шифрованной переписке М. Бурцов писал, что в Великом княжестве «не могут ляхической шатости и своевольства терпеть... подклониться под... великого государя превысокую оборону желают» (Там же. Л. 41).

³⁰ Запись «ответа» М. Паца, сделанная гонцом (см.: РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 9. Л. 56–60).

Материалы из русских архивов, неизвестные К. Бобятыньскому, рисуют положение несколько в ином свете. В ноябре 1675 г. русский резидент в Польше В. М. Тяпкин, находившийся во Львове, там же, где король и большая часть сенаторов, прислал в Посольский приказ текст под заголовком «Статьи новые рады»³¹. Из помет в деле видно, что оригиналом был польский текст, на котором имелась приписка В. М. Тяпкина. Заголовок, по-видимому, противопоставляет совещание и его решения, зафиксированные в данном тексте, совещанию сенаторов, состоявшемуся в военном лагере перед 1 ноября, где было принято решение о размещении войска на зимние квартиры. Затем М. Пац уехал [Bobiatyński, s. 330–331], и «новая рада» состоялась без его участия.

В «Статьях», присланных В. М. Тяпкиным, речь шла совсем о других вопросах. Решения «новой рады» планировали серьезные перемены в политическом строе Речи Посполитой. «Статьи» предусматривали отмену «liberum veto» (ст. 5). Предполагалось также, чтобы решения об установлении тех или иных налогов принимались по решениям «рады сенаторов», а не сейма или сеймиков (ст. 7). Одновременно король должен был получить право созывать «посполитое рушение» и объявлять войну или заключать мир по собственному решению (ст. 3, 6). «Статьи» предусматривали также, что следует «войну в Прусы перенести со общими с шведы силами» (ст. 8). Эта статья ясно показывает, что текст был подготовлен в кругу людей, близких Собескому, который разрабатывал такие планы войны с Бранденбургом. Очевидно, что эти предложения означали бы значительное усиление королевской власти в Речи Посполитой и что этот текст следует рассматривать при изучении политических планов Яна Собеского и круга связанных с ним лиц. Ясно, что принятие и осуществление этих «Статей» означало бы ограничение компетенций шляхетского сословия, но, разумеется, в первую очередь могущественных магнатов — олигархов, использовавших шляхетские «вольности» в своих интересах.

«Статьи» включали и условия, прямо затрагивавшие интересы М. Паца. В 9-й статье читаем: «Войско Великого княжества Литовского отложить, потому что некому верить, а иных нанимать». В другой части дела имеется другой перевод «Статей новой рады», где читается: «Литовское войско отставить, что им нельзя доверивати, а имати б с них дань на собирания войска»³². Таким образом, в «Статьях» говорится о ликвидации литовской армии, которая не вызывает доверия, и о сборе с территории Великого княжества Литовского средств, на которые монарх будет организовывать пользующуюся его доверием армию. Разумеется, такая инициатива прямо затрагивала интересы Михаила Паца, как командующего литовской армией.

«Статьи» заканчивались рекомендацией: «Посох, печать и булава, дабы все едино было». В приписке В. М. Тяпкин пояснял: это означает, чтобы в Литве и Короне «польных гетманов и подканцлеров, и маршалков надворных чтобы уже николи не было»³³. При такой реформе при создании новых «единых» должностей монарх мог бы занять их людьми, которые бы его устраивали. Очевидно, что и эта инициатива прямо угрожала интересам М. Паца.

Конечно, мы не знаем, кто был участником «рады», которая приняла такие решения. Можно было бы сомневаться и в самом происхождении попавшего к В. М. Тяпкину документа. Однако о том, что ему придавалось серьезное значение, говорят действия, предпринятые гетманом М. Пацем в конце 1675 г. В это время он направил своего доверенного человека Богдана Ратомского к левобережному гетману Ивану Самойловичу. Позднее, на коронационном сейме в феврале 1676 г., Б. Ратомский докладывал, что он обсуждал с гетманом в Батури не вопрос о сотрудничестве в борьбе с османами [Bobiatyński, s. 334–335]. Однако письмо, отправленное Самойловичем после этой встречи в Москву главе Посольского приказа А. С. Матвееву³⁴, рисует

³¹ РГАДА. Ф. 79. 1675 г. № 6. Л. 276–279.

³² Там же. Л. 300.

³³ Там же. Л. 279.

³⁴ РГАДА. Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 1. № 230. Л. 33–38. Письмо датировано 28 декабря 1675 г.

цель этой поездки совсем в ином свете. Разговор происходил «в тайне наодине». Посланец начал с обвинений Собеского в том, что тот хочет заключить мир с Османской империей и начать войну с Россией. Такие обвинения в адрес Яна Собеского выдвигались и ранее со стороны литовских политиков, но теперь посланец добавил, что король хочет «права наши римские (!) и вольности шляхетские ломать».

Этим планам, как сказал далее посланец, препятствовали М. Пац и польский коронный гетман Дм. Вишневецкий. Король пытался их подкупить французскими деньгами, но, когда они отказались их взять, у короля появилась к ним «великая ненависть». Во время войны с османами украинские владения Дм. Вишневецкого король «допустил нарочно разорять и до основания искоренить, чтоб потом, обедняя, просил у него милости».

У самого М. Паца король намерен отобрать и воеводство, и гетманство и даже «конечно имеет промысл о его здоровье». В связи с этим посланец спрашивал, «имеет ли (М. Пац. — Б. Ф.) надеяться с стороны казацкой и украинской... помочи, когда бы имел сопротивиться с Великим княжеством Литовским в том деле королевского величества хотению». Таким образом, в конце 1675 г. М. Пац считал свое положение столь критическим, что готовился к вооруженному конфликту с монархом³⁵ и готов был искать помощи у левобережного гетмана, то есть в другом государстве. Поскольку внешне, как показано К. Бобятыньским, в отношениях между королем и М. Пацем никакого открытого противостояния в эти месяцы не было, то, как представляется, дело было в том, что гетман познакомился со «Статьями новой рады» и, возможно, с какими-то планами по их реализации.

Б. Ратомский просил И. Самойловича, чтобы он «ту тайну до времени при себе задержал», выражая от имени своего патрона надежду, что Ян Собеский все же согласится «все оставить по порядкам давним в Короне». Как известно, так все и произошло. Однако это показывает, на какой опасной грани оказалась борьба магнатских группировок в Речи Посполитой в конце 1675 г. Вместе с тем сам факт такого обращения именно к левобережному гетману указывает на существование каких-то особых отношений между М. Пацем и И. Самойловичем, но это должно быть предметом особого исследования.

Значение приведенных фактов не исчерпывается тем, что они существенно пополняют картину внутривосточной жизни Речи Посполитой в 1674–1675 г., наглядно показывая глубину конфликтов, охвативших в эти годы политическую элиту Речи Посполитой.

Это время (середину 70-х годов XVII в.) следует выделить как важную грань в истории отношений между Россией и Речью Посполитой. Впервые влиятельная политическая группировка Речи Посполитой пыталась добиваться своих целей, поддерживая сотрудничество с русским правительством.

Литература

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI.

Bobyatyński K. Michał Kazimierz Pac – wojewoda wilenski, hetman wielki litewski. Działalność polityczno-wojskowa. Warszawa, 2008.

---

³⁵ В декабре 1675 г. выходцы из Речи Посполитой сообщали киевским воеводам, что гетман М. Пац с Украины «литовские войска велел свести и поставить на границы литовской в розных городех для бережения, опасаячися королевского величества» (АЮЗР. Т. XII. № 123. Стб. 371).